

НАЗАРОВ

И. В. Мировоззренческие основания постулатов «жесткого ядра» классическо- неоклассической парадигмы, их ограниченность и христианская альтернатива

Утверждения экономической теории, как и любой другой отрасли научного знания, всегда являются дедуктивными умозаключениями из ограниченного круга априорных постулатов, не подлежащих обоснованию в рамках самой науки. Поскольку экономическая теория изучает принципы организации хозяйственной жизни человеческих сообществ, постулаты, из которых она исходит (даже если экономтеоретики и не отдадут себе в этом отчета) являются найденными за пределами экономической науки и принятыми ими на веру ответами на вопросы: «что есть человек?», «каким он должен быть?», «как должно быть устроено общество?» и т. п. Эта неизбежная «завязанность» науки о хозяйстве на те или иные антропологические и социальные идеалы, всегда формирующиеся в более широком, чем хозяйственная сфера, мировоззренческом контексте, усиливает актуальность тщательного изучения последнего, особенно в кризисные моменты, когда

становится ясно, что принятая однажды парадигма экономических исследований перестает объяснять действительность. Именно это происходит сейчас с основными постулатами, формирующими «жесткое ядро» либеральных экономических теорий – англо-французской «классики» экономической мысли (физиократы, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэй, Ф. Бастиа и др.) и выросшей из нее (после сделанной в конце XIX века маржиналистами «прививки» некоторых методологических приемов и теоретических акцентов) неоклассики.

1. Существует, на наш взгляд, два главных постулата, образующих «жесткое ядро» парадигмы экономического либерализма: абстрактный концепт экономического человека (*homo oeconomicus*) и философия «естественного порядка» (*l'ordre naturel des choses*). Эти два смысловых полюса ни на шаг нельзя оторвать друг от друга без ущерба для целостной, непротиворечивой картины социума: они являются глубоко комплиментарными «сторонами одной медали» либеральной парадигмы, неизменно всплывающими под разными именами на всех этапах развития экономтеоретической «ортодоксии» и словно «страхующими» друг друга. Ведь если допустить, что «экономический человек», наделенный лишь множеством «естественных прав» и не признающий над собой никаких авторитетов – ни Церкви, ни монарха, эгоистически действует среди миллионов себе подобных, то аксиомы «естественного порядка», «невидимой руки», «экономического равновесия» и другие, родственные им по содержанию, абсолютно логично вписываются в картину мира. Все они выражают не более чем веру в наличие спонтанного рыночно-денежного механизма, способного автоматически сбалансировать результаты действий подобных субъектов с общественными потребностями в обход Божественного Промысла и государственного насилия. Неприятие подобной гипотезы в качестве постулата неизбежно влечет за собой или возвращение в рыночную экономику государства, призванного волевыми решениями гармонизировать хаос, инспирированный действиями экономических игроков по принципу «каждый за себя», или реабилитацию религиозно-этической мотивации экономического поведения. Либо государство должно вернуться и восполнить недостаток «естественного порядка» (как это предложил в свое время

Дж. М. Кейнс), либо религиозно-этическая мотивация экономического поведения должна быть «реабилитирована» (и она вновь обретает научную легитимность в работах В. Зомбарта, М. Вебера, С. Булгакова). Но и первый, и второй теоретические ходы являются самыми жесткими вызовами «ортодоксальному» направлению экономической теории.

2. Представители немецкой исторической школы (прежде всего, В. Зомбарт и М. Вебер) и Дж. М. Кейнс сосредоточились на критике этих элементов «жесткого ядра» ортодоксии, взятых по отдельности, и, теоретически помножив их на «минус единицу», заменили «зеркальными» постулатами религиозно ориентированного «экономического человека» и «психологических законов» Кейнса, фактически отрицающих «невидимую руку» рынка. Но выборочно отрицая эти базовые положения классики и неоклассики, они смогли предложить лишь паллиативные теоретические решения, не способные наметить выход из системного кризиса экономического знания. «Диагноз» его болезни оказался намного глубже, чем отдельные ее симптомы, верно подмеченные М. Вебером и Дж. М. Кейнсом, – он уходил корнями в более широкий мировоззренческий контекст – в общий кризис европейской культуры в XVIII веке, стремительно терявшей христоцентричность. Секуляризирующаяся философия распадалась на узкие области знания, одной из которых стала «политическая экономия», вынесшая из «отчего дома» нехитрый методологический скарб, впоследствии названный С. Н. Булгаковым «наивными догматами экономизма». Они-то и стали «минами замедленного действия», заложенными в самый фундамент молодой науки.
3. Поэтому для преодоления кризиса экономического знания необходимо проанализировать генетическую укорененность двух основных положений ортодоксальной парадигмы в философии деизма и вытекающей из нее механистической картине мира, а также в натуралистической трактовке человека, который со времен Ренессанса постепенно переставал осмысливаться с позиций христианского учения об образе Божием и первородном грехе. Если быть кратким, то «экономический человек» А. Смита восходит к натуралистической антропологии европейских гуманистов, утверждавших, что человеческая природа сама по себе, т. е. вне

всякой связи с Богом, полноценна, творчески сильна, не повреждена первородным грехом, но при этом не возвышается над общими законами мироздания, всецело включена в систему мира и однородна с ним. С другой стороны, само понимание мироздания основывалось с XVIII века на философии деистов, признававших Бога в качестве Творца, но не в качестве Промыслителя и Спасителя человека и мира: «Философы Просвещения разработали понятие о Боге как о часовщике: он привел в движение часы, но дальше они уже идут сами» [1, с. 44]. В эту мировоззренческую систему координат прекрасно вписывались и «экономические люди», все эгоистические устремления которых, по мнению физиократов и А. Смита, подлежат спонтанной коррекции и оптимизации в силу «естественного порядка вещей».

4. Первые «подземные толчки», расшатывающие либеральную парадигму, можно уловить еще в теории народонаселения Т. Р. Мальтуса, настаивавшего на ограниченности средств существования при неограниченном росте населения. Оказалось, что «естественный порядок» может мало напоминать пасторальные картины «экономических гармоний», он может быть весьма разрушительным и, скорее, походить на хаос.
5. Однако подлинную, хотя и недооцененную с точки зрения глубинных мировоззренческих следствий, революцию в экономическом познании произвел К. Менгер, проведший теоретический водораздел между хозяйственной и нехозяйственной сферами, отнеся к экономическим благам только те, потребность в которых превышает их доступное в данный период количество [2, с. 510]. Таким образом, выдвинув *дефицитарность* как всеобщий онтологический горизонт сферы хозяйственного, т. е. той сферы, где благам вменяется ценность, маржиналисты по сути поменяли оптимистическую мировоззренческую установку, довлеющую над экономической наукой со времен Просвещения: теперь ценность, богатство стали рассматриваться на фоне бездны тотального дефицита ресурсов, в принципе не перекрываемого теми приращениями благ, которые способна дать экономика.
6. Нависающий над хозяйственной сферой «горизонт» дефицита, превращает, по мнению Р. М. Нижегородцева, конкурентную борьбу «экономических людей», каждый из которых стремится

максимизировать индивидуальную целевую функцию в «игру с фиксированной суммой». «Это значит, что частные агенты создают друг для друга помехи самим фактом своего существования», – замечает Р. М. Нижегородцев, акцентируя внимание на том, что маргиналисты «трепетно относятся к вещным благам в силу факта их ограниченности и весьма расточительно относятся к людям – единственному ресурсу, бережливое отношение к которому нерационально» [3, с. 87].

Если сумма ресурсов фиксирована, а целевые функции игроков устремлены в бесконечность, последние запрограммированы на постоянный конфликт, склонны к оппортунистическому поведению, опровергающему либеральную идеологию «спонтанного порядка». При таком исходном положении вещей теоретически возможны несколько вариантов развития ситуации. Один из них очертил Мальтус, а ныне он представлен сторонниками доктрины «золотого миллиарда». Для тех же, кто не готов солидаризоваться с их несколько циничными сценариями, существуют различные теории прогресса – красивые сказки о «молочных реках и кисельных берегах» (коммунизм, постиндустриализм, информационное общество). Суть их в том, что ограниченность ресурсов может быть искусственно преодолена, и это гармонизирует интересы всех игроков. Поскольку эти сказки не очень эффективны, существуют более тонкие попытки «обмануть природу» – умножение денежных знаков, ценных бумаг, появление деривативов и тому подобных финансовых симулякров. Манипулирование ими призвано создать у игроков иллюзию бесконечного роста, якобы способного ослабить жесткую фиксированность суммы доступных ресурсов и тем самым несколько разрядить конфликт, отстрочить неминуемое сползание в хаос. Как известно, подобное оппортунистическое поведение целых правительств и мощных финансовых институтов, оказавшихся неспособными отвечать по своим обязательствам, терпит фиаско, а вместе с ним сходит на нет и последний взлет либеральной идеологии неоконсерватизма на Западе.

8. Какова же христианская альтернатива исчерпавшей себя парадигме «естественного порядка»? Она по-прежнему может быть сведена к формуле «Творение – падение – Спасение», из которой для социально-экономических наук наиболее актуально учение об образе Божиим в человеке, о первородном грехе и Спасении. Человек создан

по образу Божию, исключаящему порабощенность зависимостью от удовлетворения своих низших потребностей. Но в Адаме человек пал. И эта катастрофа изменила его природу и весь мир. С этого момента человек неслучайно поставлен в условия ограниченности ресурсов, главным из которых является смертность, т. е. ограниченность временного горизонта его телесного существования. Наличным положением вещей человеку поставлена задача поиска выхода из великой аномалии его собственного и вселенского бытия, которую уж никак нельзя безоговорочно признать «естественным порядком вещей». Да, элементы порядка в мире есть, но в конце концов вселенский разлад в момент смерти торжествует над каждым из нас и, чувствуя себя «покойниками на каникулах», мы действительно зачастую относимся друг к другу как «экономические человеки», видя в ближнем не образ Божий, но средство максимизации собственной выгоды. Такими мы являемся, но не такими мы призваны быть: мы должны осуществить великий исход из сложившегося аномального положения.

9. Этот выход мы можем обрести только во Христе, Который есть дверь в новый порядок бытия, где снимаются все ресурсные лимиты и, прежде всего, – лимит смертности, конечности человеческого существования, к тому же обремененного потребностями, по каждой из которых мы одеты в «смирительную рубашку» ограниченности соответствующих благ. Лишь в Богочеловеке Христе все лимитирующие человека условия смертного существования сняты. Но для того, чтобы наследовать одержанную Христом на Кресте победу над смертью и мировым хаосом, мало быть «экономическим человеком», уповающим на «естественный порядок».

Список использованной литературы

1. Йоост ван Россум. Церковь и секуляризм: возвращаясь к богословским размышлениям о. Александра Шмемана // Христианская мысль. – 2009-2010. – № 5. – с. 43-46.
2. Історія економічних вчень: Підручник / За ред. В. Д. Базилевича. – К.: Знання, 2004. – 1300 с.
3. Нижегородцев Р. М. Метафизика экономической науки: на пороге информационного переворота // XXI век: Интеллект-революция / Под

ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. – М., К., 2012. – с. 82-89.

Опубликовано: Назаров И. В. Мировоззренческие основания постулатов «жесткого ядра» классическо-неоклассической парадигмы, их ограниченность и христианская альтернатива // Парадигмальні зрушення в економічній теорії XXI ст.: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – К.: Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2012. – С. 128-132.